

ИГИ И ЛЮДИ

Бахтин за разговором

Михаил Михайлович Бахтин воспоминаний не писал. Даже когда его попросили написать воспоминания о его друге пианистке М.Юдиной, он категорически отказался: "Мария Вениаминовна была человеком неофициальным, и никакие официальные воспоминания о ней невозможны".

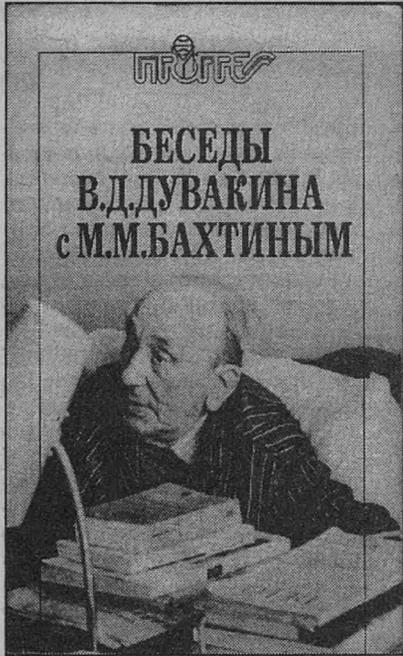
Но воспоминания Бахтина теперь есть. Это 250-страничная книга бесед с ним Виктора Дувакина, который допытывался у него насчет его жизни и деятельности на протяжении шести бесед, каждая примерно по два часа.

Это были очень несхожие собеседники. Бахтин родился в 1895 году и октябрьскую катастрофу встретил уже взрослым человеком, со сложившимися во многом взглядами. Его собеседник (г.р. 1909) относится уже к "потерянному поколению", народившемуся примерно с 1905 по 1916 год (Виктор Некрасов, Александр Твардовский, Константин Симонов, художник Лактионов являются, пожалуй, самыми заметными людьми этого поколения в искусстве, если не считать всяких выдающихся погромщиков типа Кочетова, Софронова, Грибачева, Михалкова). Юность и молодость этих людей пришлось на страшные годы, и, как правило, формированию особой целостности личности это не способствовало. Особенно если говорить о проблемах творческой личности. Их детский революционный опыт ломался новым советским, и в этом проблема. Родившийся в 1918 году Солженицын имел уже другой — но цельный — опыт, и с него, в общем, отсчитывается другое поколение (по моей классификации — родившееся примерно до 1933 года).

Да, у магнитофона встретились люди разные: два филолога, но, в общем, из разных миров. Свели их следующие обстоятельства. В 1966 году Дувакин выступил свидетелем на суде своего бывшего студента Синявского. Ничего особенного, видимо, он не сказал, но говорил он как нормальный человек, не подстраиваясь под советскую дудку, и этого оказалось достаточно, чтобы уволить его из университета. И тогда ректор МГУ Петровский придумал для него занятие: записывать на магнитофонную ленту воспоминания выдающихся стариков, доживающих свои лета в разных городах и всях, преимущественно в Москве. Он записал беседы с Тимофеевым-Ресовским, Шульгиным и рядом других людей.

На Бахтина его вывел его ученик по университету Вадим Кожин, который последние годы жизни великого ученого был в контакте с ним.

В предисловиях и послесловиях, написанных С.Бочаровым (еще одним учеником Бахтина), С.Радзишевским и тем же Кожинным, отмечается, что Дувакин не всегда мог поддержать разговор на те или иные темы, — например, он не знал, кто такой С.Киркегор, не говоря о менее известных философах, например, Когене, Кассирере; открытый всем ветрам Бахтин упомянул о молодом в ту пору писателе-деревенщике Василии Белове, и сосредоточенный на изучении Маяковского и его круга Дувакин сперва даже не понял, о ком речь, подумал, что это Белая, автор детской повести "Старая крепость". Зато когда Бахтин начал цитировать стихотворения забытых

на ту пору поэтов начала века, Дувакин часто его поддерживал, и они читали хором (так и отмечено публикаторами).

М.М.Бахтин прожил длинную жизнь, беседы происходили, когда ему было уже под восемьдесят, и в этом возрасте память, конечно, не крепчает. Иногда он не может вспомнить до боли знакомое имя и говорит: ну вот, скоро свое имя буду забывать.

Бахтин выпустил в 20-х годах несколько книг, в том числе "Проблемы творчества Достоевского". Ни в какие литературные группировки не входил, к формалистам не примыкал. Что не помешало ему в конце 1928 года быть арестованным за участие в одном вполне безобидном кружке и быть сосланным на пять лет в Кустанай.

В 20-е годы он видел многих видных литераторов того времени, дружил с К.Вагиновым. Как известно, в романе Вагинова "Козлиная песнь" изображен близкий друг Бахтина Лев Пумпянский (к 30-м годам неожиданно для друзей ставший марксистом); Бахтин прибавляет некоторые подробности.

Интересны и часто неожиданны его замечания по ходу дела. Интервьюер спрашивает, видел ли он постановки московского Художественного театра: "Чеховские вещи видели?" — "Чеховские видел, (...) но должен прямо сказать, что мне показалось, что Чехова они неправильно... не поняли. (...) Чехов сам большинство своих драм называл фарсами или комедиями. (...) превращать это в драму (...) никак нельзя, в мелодраму... никак нельзя, никак нельзя. А они это делали".

Такого рода замечаний по разным поводам в книге можно набрать очень много. И о Блоке, и о Маяковском, и о Малевиче (которого встречал в Витебске), и о Пастернаке, и о Мережковском с Гиппиус, и о Горьком, и о Клюеве — всех не перечислишь.

Прежде, до публикации этих записей, можно было, конечно, догадываться, какие политические взгляды были у Бахтина. Говоря о Февральской революции и о том, как он ее воспринял, он уточняет:

"— Я тогда считал, что придет самая крайняя партия, что в России или монархия, или совершенно крайняя охлократия..."

Измутителен следующий за этим во-

прос Дувакина, лучший, наверно, из его вопросов в книге:

"— Извините, это у вас сейчас не реминисценции, так сказать, в свете дальнейшего..."

— Нет-нет, нет-нет, это так тогда думал. (...) ...мы были настроены очень пессимистически: мы считали, что дело кончено."

Он полагал, что власть захватят представители нижних слоев общества "и сбросить их некому будет, потому что вся эта вот интеллигенция, она на это не способна".

Бахтин никогда не пытается переубедить своего собеседника, если с ним не согласен. Иногда он просто задает встречный вопрос, и этого оказывается вполне достаточно — для читателя. Теперь уже стало прописной истиной для всех сторонников демократии, что основу гражданского общества составляет класс мелких собственников. Это и выделяет Бахтин, говоря о деятельности Столыпина, которого он глубоко уважал, и продолжает:

"— ...ему не удалось довести до конца свою реформу хуторскую тогда. Да..."

— Это очень чуждое русской национальной природе", — как будто начитавшись современных профессиональных "патриотов" (или наслушавшись тогдашних), отвечает Дувакин. И Бахтин, не желая дискутировать, тем не менее произносит три слова:

"— Так ли это?"

Как видим, он однозначно отрицал за своим народом право на idiotскую "исключительность", которую ему приписывают некоторые его слабонервные радетели. Как видно из текста, он считал его народом в ряду других, нормальным народом, как все (наверно, как Гайдар сейчас или покойный В.Селюнин). Чтобы это понять, надо постараться восстановить интонацию: "Так ли это?"

Что касается его религиозных взглядов, то об этом он не распространяется, но на вопрос: "Вы ведь глубоко веруете, я понимаю...", — следует лаконичное: "Да".

Ну и какая русская беседа не дойдет до темы евреев и юдофобии (или, как это чаще называют, антисемитизма). Дошли до этого и Бахтин с Дувакиным. Бахтин: "Антисемитизм — явление специфическое, людей, чуждых всякой религии, воспринимающих религию только как обряд, как быт какой-то. ...праздники церковные и так далее — это часть их быта. А настоящие представители религиозной мысли в России никогда не были антисемитами".

Беседы происходили весной 1973 года. Это хочется уточнить вот по какой причине. Люди, которые занимались за границей изданием и пересылкой книг в Россию, прочитав беседы Бахтина с Дувакиным, могут убедиться: многие из этих книг доходили, причем очень оперативно. Бахтин часто ссылается на них. А он, надо сказать, и был тем идеальным гипотетическим читателем, на которого эти книги рассчитывались.

Книга сопровождается 40-страничным комментарием, разумеется, не исчерпывающим, но интересным, индивидуализированным, живым.

АНАТОЛИЙ КОПЕЙКИН